

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76

О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ИМЕНИ *Н. БЕРДЯЕВА* В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Л. БОРОДИНА «БЕЗ ВЫБОРА»

Федорченко Е. А.*Российская таможенная академия**140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На материале текста автобиографического повествования Л. Бородина «Без выбора» определить концепцию влияния precedentной информации, представляемой именем собственным, на формирование способов и средств самопрезентации языковой личности автора.

Процедура и методы. Precedentный антропоним *Н. Бердяев* и книга *Н. Бердяева* «Самопознание: опыт философской автобиографии» рассматриваются как precedentные феномены, создающие основу для интерпретационной деятельности читателя в понимании языковой личности автора. Используются описательный метод, методы контекстного и концептуального анализа.

Результаты. На основе анализа семиотических моделей выявляются семантический потенциал и прагматические функции антропонима *Н. Бердяев* в тексте Л. Бородина. Установлены языковые средства (специальные маркёры) включения механизма множественной интерпретации языкового знака.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, при изучении языка писателя.

Ключевые слова: автобиографическое повествование, лингвоперсонология, precedentный антропоним, precedentный текст, языковая личность автора

THE PRECEDENT NAME *N. BERDYAEV* IN L. BORODIN'S AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE "WITHOUT CHOICE"

E. Fedorchenko*Russian Customs Academy**Komsomolsky prosp. 4, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. On the basis of the text of L. Borodin's autobiographical narrative "Without choice", we determine how precedent information expressed by a proper name affects the formation of specific means of self-presentation of the author's linguistic personality.

Methodology. The precedent anthroponym *Berdyaev* and the precedent text "Self-Knowledge" by *Berdyaev* used in L. Borodin's autobiographical narrative "Without Choice" are considered as precedent phenomena creating the basis for the reader's interpretation of the author's linguistic personality. The methodology used in the paper includes a descriptive method and methods of contextual and conceptual analysis.

Results. The semantic potential and the pragmatic functions of the anthroponym *N. Berdyaev* are revealed by analyzing semiotic models. The linguistic means (special markers) of the mechanism of multiple interpretation of a linguistic sign are established.

Research implications. The obtained results can be used in the theory of text and in the study of the writer's language.

Keywords: author's linguistic personality, autobiographical narrative, linguopersonology, precedent anthroponym, precedent text

Введение

В жанре автобиографии (автобиографического повествования) смысловым центром, организующим и концентрирующим всё в себе и вокруг себя, формально является местоимение *я*, воплощающее в себе триединство субъекта повествования, объекта повествования и «героя» (персонажа, действующего лица). Однако смысловое поле данного знака проявляет когнитивно обусловленную и потому потенциально не ограниченную способность расширяться. В этой связи уместно вспомнить изречение великого русского мыслителя Н. Бердяева: *«Я» есть первичная данность ... «Личность» же есть качественное достижение. В моем «я» есть многое не от меня*¹.

«Я» автора в литературном произведении всегда кореферентно определённом имени собственному. И, как правило, в мемуарах писателей представлено большое количество различных имён людей, в той или иной мере влияющих на жизнь и судьбу автора, определяющих её. Однако каждое имя – и прежде всего имя, получившее статус прецедентного знака, – потенциально способно вызывать у читателей неоднозначные, личностные смыслы и вариативные реакции.

В автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»² автор, повествуя о своей жизни, использует значительное количество прецедентных феноменов, которые отражают особенности авторской ментальности, определённые мировоззренческие установки, систему ценностей (нравственных, национально-культурных и т. д.). Ср.: «Прецедентное имя, как и концепт, им представляемый, принадлежит к концептуальной сфере – параметру языковой личности, которая употребляет его как автор речи / текста, встречно – адресатов, т. е. воспринимающих, читающих текст людей, которые подвергают осмыслению содержание ментальной единицы, благодаря средствам её экспликации, понимают,

кто стоит за этим именем, какие события, процессы, исторические вехи, традиции с ним связаны» [5, с. 23].

Среди прецедентных феноменов в сочинении Л. Бородина особое место, полагаем, принадлежит прецедентному имени Н. Бердяева и прецедентному тексту Н. Бердяева – его книге «Самопознание», которая была опубликована уже после смерти автора с подзаголовком «Опыт философской автобиографии». Эта книга была хорошо знакома автору повествования «Без выбора». И сочинение Л. Бородина, как и труд Н. Бердяева, по существу, является «опытом философской автобиографии». Но здесь перед читателем иной опыт и иная история для философского осмысления.

Цель данного исследования заключается в формировании концепции влияния прецедентной информации, представляемой антропонимом Н. Бердяев, имеющим национально-культурную ценность, на способы и средства самопрезентации языковой личности автора в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора». Реализация поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) определить прецедентные феномены, коррелирующие с доминантами повествовательного начала в мемуарном тексте Л. Бородина; 2) выявить семантический потенциал употребления антропонима *Н. Бердяев* в изучаемом тексте; 3) установить прагматические функции прецедентного антропонима *Н. Бердяев* в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора». Достижение поставленной цели исследования может быть значимо для развития современной антропоцентрической лингвистики, теории текста, лингвоперсонологии.

Ассоциативная интертекстуальность как способ самопрезентации языковой личности автора в повествовании Л. Бородина «Без выбора»

В качестве своеобразной программы интерпретации мемуарного текста Л. Бородина «Без выбора» может рассматриваться инициированный автором ин-

¹ Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 34.

² Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. 507 с.

тертекстуальный жанровый диалог, в который включается книга Н. Бердяева «Самопознание: опыт философской автобиографии». Названные произведения Л. Бородина и Н. Бердяева объединяет не только жанровая принадлежность, но и многочисленные параллели в их концептуальном пространстве, а также некоторые общие тенденции в развитии жанровой формы автобиографии, в частности введение элементов научного стиля в мемуарный текст.

Изучение прецедентных феноменов в тексте (прецедентных имён, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций, прецедентных текстов) актуализирует проблему соотношения двух связанных между собой когнитивных категории *прецедентность* и *интертекстуальность*, которые в современных научных работах или отождествляются, или не чётко дифференцируются, или неоднозначно разграничиваются.

Поскольку корпус научных трудов, использующих данные категории, весьма представительен, обзор научной дискуссии по данной теоретической проблеме сознательно оставлен за рамками данной работы. Для целей исследования используется понятийный аппарат, характеризующийся в настоящее время уже определённой традиционностью или соответствующий, по нашему мнению, природе изучаемых языковых явлений и фактов.

Как известно, становление терминов *прецедентность* и *прецедентный текст* связано с именем Ю. Н. Караулова, который определил прецедентные тексты таким образом: «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216].

Указание в приведённой дефиниции термина *прецедентный текст* на «не-

однократное возобновление в дискурсе языковой личности» выявляет то общее, что есть у категорий *прецедентность* и *интертекстуальность*. Прецедентность языкового знака – это его узальная лингвокультурологическая характеристика. Интертекстуальность – это признак неразрывной связи одного текста с другим, своеобразный «диалог» с ранее созданным текстом. Интертекстуальность – это своего рода «диахроническая матрица» [9, с. 99–100], сквозь которую просматривается какой-либо прецедентный знак (в другой терминологии – определённый прецедентный феномен). При этом интертекстуальность в мемуарном жанре может рассматриваться не только как средство усиления интерпретационного потенциала текста в целом, но и как средство самопрезентации автора в когнитивных процессах осмысления своего «Я». Для автора правильность интерпретации его текста коррелирует с внетекстовой авторской интенцией (которая может быть заявлена и в тексте). Но сам по себе текст вполне допускает множественность интерпретаций, связанных с особенностями перцепции, направленной исключительно на «референциальное» прочтение мемуарного текста или его прочтение как продукта «авторского самоинсценирования». В творческой интерпретации авторского *я* в мемуарном тексте могут доминировать и факторы, связанные с особенностями ментальности читателя. В этой связи интересны размышления Роберта Вальтера-Йохума, посвятившего влиянию постмодернистских литературных теорий на осмысление жанра автобиографии свой труд «Теория автобиографии в эпоху постмодерна» [11], – книгу, интегрирующую теоретические положения, связанные с критикой референциальности¹ и разработкой интертекстуальности [1; 4]. При этом устанавливаемая учёным концептуальная рамка интерпретации мемуарного текста указывает и на то, что индивидуальное может быть обозначено

¹ Под «референциальностью» (от *refer* – относиться к объекту) понимается соотнесённость текста с внетекстовой реальностью.

только через что-то известное, а субъективное является продуктом дискурсивных практик [11].

Как и многие авторы мемуаров, Л. Бородин начинает с размышления о том, что побудило его написать свои воспоминания. Свою творческую задачу в *Предисловии* к книге автор определяет метафорически: «Жизнь вроде бы ещё продолжается, но движение... оно теперь уже не у меня, а у жизни ... Зато за моей спиной эпоха. Не историческая эпоха, но всего лишь эпоха моей жизни – и почему бы, собственно, мне не посмотреть на свою жизнь монокулярно, если она у меня, как и у всех, единственная?»¹. Однако уже в основной части повествования творческая задача автора сформулирована предельно чётко и конкретно (как это свойственно, научному – философскому, историческому, социологическому – исследованию): «**главная цель сего писания – не автобиография, но попытка определения причин той трагедии, что произошла со страной**»². Развал СССР для Л. Бородина был глубоко личной трагедией, а опыт духовного самопознания, представленный как процесс изменения индивидуального сознания автора, одновременно осмысливается как исторический процесс изменения ментальности советского человека – *тихий процесс умирания его веры в социалистическую идею и процесс обретения веры в Бога* (об индивидуально-авторском концепте «Вера» как основе идиостиля Л. Бородина см.: [10]).

Постановка Л. Бородиным творческой задачи такого масштаба ассоциативно побуждает читателя вспомнить едва ли не единственную в своём роде автобиографию с остро социальной и философской проблематикой – книгу Н. Бердяева «Самопознание: опыт философской автобиографии», над которой великий русский мыслитель работал последние 10 лет жизни. Не вспомнить это произведение не позволяет читателю сам автор повествования «Без выбора» (историк и философ по

образованию), неоднократно в различных контекстах использующий антропоним *Н. Бердяев*, в том числе и в затекстовой части автобиографического повествования (в *Комментариях*), где в биографической справке о Н. Бердяеве назван и его итоговый труд «Самопознание».

Книга Н. Бердяева «Самопознание», сочетающая в себе черты мемуарного жанра и философского трактата (Н. В. Козловская рассматривает философскую автобиографию Н. Бердяева как особую разновидность философского трактата [3, с. 22–23]), своеобразно преломляется в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»: великий русский религиозный мыслитель Н. Бердяев оказывается вовлечённым в сюжетные линии автобиографического повествования Л. Бородина; оба произведения буквально пронизаны многочисленными культурно-историческими параллелями.

Произведения Н. Бердяева и Л. Бородина обнаруживают тесную связь в плане отражения определённого исторического цикла в развитии Российского государства и русской духовности. О своей эпохе как об одной из самых трагичных в мировой истории Н. Бердяев пишет: «*Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для всего мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжёлое в жизни. Из испытаний, которые мне пришлось пережить, я вынес веру, что меня хранила Высшая Сила и не допускала погибнуть. Эпохи, столь наполненные событиями и изменениями, принято считать интересными и значительными, но это же эпохи несчастные и страдальческие для отдельных людей, для целых поколений. История не щадит человеческой личности и даже не замечает её. Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный ренессанс начала XX века, потом рус-*

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 6.

² Там же. С. 102–103.

ский коммунизм, кризис мировой культуры, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию её победителями, я пережил изгнание, и изгнанничество моё не конечно. Я мучительно переживал страшную войну против России. И я ещё не знаю, чем окончатся мировые потрясения. Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании»¹.

И Л. Бородин словно отвечает Н. Бердяеву, чем это закончится, – продолжает историческое повествование до возможной точки его логического осмысления: Н. Бердяев размышляет о гибели тысячелетней Руси, этапе становления Советской России, о её очень сложных отношениях с Западным миром в первой половине XX века, о несотворённой свободе и Боге; историческое повествование о событиях второй половины XX в. – вплоть до краха Советского Союза – продолжает в своей автобиографии Л. Бородин, сумевший пройти обратный путь – путь (через великие стройки коммунизма и советские тюрьмы и лагеря!) комсомольца-атеиста, верного коммунистической идеологии советского человека к традиционным для России духовным ценностям, к Богу и Православию.

Аксиологические национально-культурные доминанты *Семья, Родина / государство / Отечество / Отчизна, Любовь, Добро, Свобода* и др.² являются ориентирами, направляющими творческий поиск в автобиографической прозе как Н. Бердяева, так и Л. Бородина. Однако у Н. Бердяева высшими ценностями, которым подчиняется всё безусловно, являются *Свобода, Творчество и Вера в Бога*. Для Л. Бородина это *Православие и российская*

государственность. Именно *вера* в самых широких рамках русской ментальности [8, с. 27–29] в качестве основы мировосприятия и миропонимания духовно объединяет Л. Бородину с Н. Бердяевым. В рамках координат именно национально-культурного мировосприятия анализирует Л. Бородин все исторические события, в том числе и связанные со *смутой* и идеей русского коммунизма, о чём так много размышлял в своих сочинениях и Н. Бердяев.

Теоретические, методологические установки Н. Бердяева актуальны и для творческого метода мемуариста Л. Бородина. Н. Бердяев пишет: «*Моя личность не есть готовая реальность, я созидаю свою личность, созидаю её и тогда, когда познаю себя; “я” есть, прежде всего, акт. Уже греки видели в познании самого себя начало философии. И на протяжении всей истории философской мысли обращались к самопознанию как пути к познанию мира*»³. Именно такую установку (самопознание – это путь к познанию мира) реализует в автобиографии и Л. Бородин.

В сочинении Л. Бородина описание отдельных биографических фактов как составляющих единого процесса самопознания в целом подчиняется осмыслению исторического материала, что на уровне основного текста формирует тесно переплетающиеся сюжетные линии произведения или является стимулом для саморефлексии автора, направленной на осмысление процесса утраты советским человеком веры в социалистическую идею и возвращения к традиционным христианским ценностям, а в затекстовой части (в *Приложении* объёмом 60 страниц!) является необходимым для исторического исследования фактический материал, а именно: *Программу «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа»* и *Комментарий*. Наличие этого приложения, а также особенности проблематики, использование научной терминологии и ссылок на научную информацию позволяют говорить о влиянии научного стиля

¹ Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 5.

² См.: Антология концептов: в 8 т. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.

³ Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 276.

на мемуарный текст Л. Бородин. И в этом Л. Бородин следует за Н. Бердяевым.

С языковыми средствами репрезентации речевого субъекта связаны некоторые общие приёмы организации повествования, свойственные жанру: у Л. Бородин (как и у Н. Бердяева в «Самопознании») реализуется сюжетная схема, где в определённой последовательности, направленной из прошлого в настоящее, воспроизводятся значимые этапы биографии автора – детство, отрочество, юность, зрелость. И на основе этой устойчивой схемы, ассоциативно-хронологического принципа организации повествования создаётся **Я субъекта повествования** – неповторимая авторская модель мира, имеющая самостоятельную духовную, историческую и эстетическую ценность.

Сквозь призму авторского сознания – Я зрелого, состоявшегося человека, достигшего высокого уровня духовного развития и значительного социального статуса, ретроспективно представлен субъект повествования на различных этапах становления его личности: **Я** ребёнка, **Я** подростка, **Я** молодого человека. И, по меньшей мере, эти «ретроспективные» **Я** в воспоминаниях писателя не могут быть свободны от вымысла и образности: во-первых, достаточно сложно верифицировать соотношение факта и вымысла (как было? и как вспомнилось?); во-вторых, сам автор, размышляя над вопросом достоверности, объективности созданного им мемуарного текста, пишет: «“объективность” про самого себя – то всегда есть всего лишь нечто из области желаемого, но неосуществимого вполне».¹ Ср. у Н. Бердяева: «Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением ... Память активна, в ней есть творческий, преображающий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершает отбор: многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда

бессознательно, иногда же сознательно»². Творческая, преображающая составляющая в изображении прошлого неразрывно связана с системой ценностей, свойственных личности автора, с его индивидуальной картиной мира.

Семантика и прагматика антропонима **Бердяев** в автобиографическом повествовании Л. Бородин «Без выбора»

В монтаж воспоминаний Л. Бородин о событиях, предопределивших невероятные зигзаги его судьбы, неоднократно включается антропоним *Бердяев*, представляющий на протяжении всего текста различные виды информации.

Первое употребление данного прецедентного имени (как имени нарицательного, маркированного кавычками) с отрицательной коннотацией вводится посредством приёма цитации (окказионализм, образованный от имени *Бердяев*, не относится к собственному лексикону автора): «Пока в своей деревне пробавлялся гегельянством, друг мой питерский вышел на **тот пласт русской культуры**, который писатель Юрий Трифонов по-советски хлётко поименовал “**белибердяевщиной**”. Прибыв в Питер, я в эту “**белибердяевщину**” занырнул с головой и осенью того же 1965-го уже предложил аспирантуре фило-софского факультета ЛГУ реферат о «**кан-тианских мотивах у раннего Бердяева**». Реферат был принят...»³.

Индивидуально-авторский неологизм Юрия Трифонова, созданный на основе окказионального способа словообразования – сложно-суффиксального словообразования с наложением основ: от *белиберда* (разг., сниж. в знач. «вздор, бессмыслица, чепуха»⁴) и *Бердяев* > **белибердяев-щин-а** – суффикс -*щин-* удваивает отрицательную коннотацию (можно говорить и

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

² Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1990. С. 3–4.

³ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 52–53.

⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, 2015. С. 76.

о словосложении с наложением основ *белиберда+бердяевщина*), – включается в оппозицию с кореферентными номинативными единицами, относящимися к речи автора и характеризующимися положительной (высокой) оценкой автора: *пласт русской культуры; реферат о «кантианских мотивах у раннего Бердяева»*. Таким образом, семиотическая модель, представленная как диада «Бердяев (= *пласт русской культуры*) – «*белибердяевщина*», вводит в текст информацию о неприятии в Советском Союзе творчества Н. Бердяева, его идей представителями власти, некоторыми советскими писателями (среди которых был и Юрий Трифонов).

Антропоним *Бердяев* в наименовании реферата по философии включает механизм многоступенчатой интерпретации на основе метонимического переноса наименования: *Бердяев* – произведения Бердяева, их содержание, философская концепция Бердяева, мировидение Бердяева (в другой терминологии: миропонимание Бердяева, языковая картина мира Бердяева). Кроме того, актуализируется информация, связанная не только с особенностями философской концепции Н. Бердяева (близость идей Н. Бердяева идеям И. Канта), но и ценностью идей И. Канта и Н. Бердяева для Л. Бородина. При этом объём информации, потенциально представляемой данными антропонимами, принципиально не тождествен объёму информации, воспринимаемой читателем. Понимание информации, в зависимости от субъективного восприятия читателя, может быть и весьма поверхностным, схематичным, но может и безгранично увеличивать смысловую плотность текста (в аспектах трансцендентальной философии И. Канта с его теорией субъекта, человеческой воли, свободы, обоснованной всеобщности и необходимости научного знания и философии Н. Бердяева, принадлежащей к вершинам христианского экзистенциализма).

Занятия философией Л. Бородин называет *моими «бердяевскими» изысканиями*. Словообразовательный, графический (употребление строчной буквы), пунктуа-

ционный (использование кавычек) и определительный (*моими*) маркёры включают интерпретационный механизм в семиотической диаде *Бердяев – мои «бердяевские» изыскания*: прецедентное имя интерпретируется читателем в контексте осмысления автором произведения «Без выбора» философской проблематики, представленной в трудах Н. Бердяева, а также близких Н. Бердяеву философов.

Антропоним *Н. Бердяев* также актуализирует в автобиографическом повествовании «Без выбора» информацию, связанную с ролью Н. Бердяева и других «веховцев» в развитии духовного самосознания участников подпольной антикоммунистической организации «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», куда вступает Л. Бородин 17 октября 1965 г. Авторское *Я*, вербализованное как *мы* – *позавчерашние комсомольцы-атеисты*, раскрывается через систему ценностей, культурологическим знаком которой является номинация «*веховцы*», относящаяся к прецедентному миру Н. Бердяева.

«Вехи» – важная часть прецедентного мира Н. Бердяева. В научном комментарии Л. Бородина о сборнике «Вехи» читаем: «“Вехи” – *сборник статей бывших “легальных марксистов” Н. А. Бердяева* (выделено нами. – Е. Ф.), *С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, С. Л. Франка, а также М. О. Гершензона, Б. Н. Кистяковского и А. С. Изгоева (Ланде), изданный ими в 1909 г. – с подзаголовком “Сборник статей о русской интеллигенции” и обращённый к интеллигенции. “Веховцы” считали социальную революцию, замешанную на атеистическом материализме и насилии, гибельной для России ... Сборник сразу же был подвергнут резкой критике большинством политиков, писателей, учёных, публицистов, порой прямо противоположных взглядов. Этот спор положил начало влиятельной критической традиции в отечественной философской публицистике, что отразилось в таких сборниках, как “Из глубины” (1918), “Смена вех” (1921), “Освальд Шпенглер и закат Европы” (1922), “Из-под глыб” (1974) и в “перестроечном*

манифесте” – “Иного не дано”» (1989)¹. Таким образом прецедентный антропоним проявляет способность к реконструкции фрагмента определённой исторической эпохи и предопределяет понимание истоков некоторых культурных традиций.

Характеризуя понятие «прецедентный мир» как комплекс лингвоконцептуально-логических образований, интегрирующих отдельные прецедентные феномены, Е. А. Нахимова приходит к убедительному выводу: «основным связующим стержнем для выделения прецедентного мира оказывается не столько время и пространство, сколько выдающаяся личность, создающая вокруг себя целый мир прецедентных имён, высказываний, текстов и ситуаций» [6, с. 42]. При этом судьба и творчество выдающейся личности неразрывно связаны с определённой исторической эпохой. А само понятие прецедентного мира выдающейся личности характеризуется динамичностью в процессе культурно-исторического развития социума. Так, сборник «Веи» получает различные оценки в годы, близкие к его изданию, в годы деятельности «Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа» и в XXI веке, поскольку «понятие прецедентный мир, в том числе прецедентный мир творческой личности, приобретает обновлённое актуальное значение, связанное с континуальной множественностью полисубъектных дискурсивных реакций на интегративный стимул прецедентности» [7, с. 186].

Л. Бородин, анализируя современные общественно-политические дискуссии, включает их в более широкий исторический и более глубокий – философский – контекст: «Воистину, нам “Русь была не словом спора” ... Но споров-то этих – Боже мой, сколько их было. И по сей день не успевал ещё ни одной темы, которую мы в 1960-х не пропустили бы сквозь строй суждений ...

И, безусловно, главной темой определения был “русский коммунизм”. Проблема формулировалась приблизительно так:

“русский коммунизм” (“большевизм”) – это “явление русского духа” (по Бердяеву и по Куняеву тоже) или только состояние его?»²

Я субъекта познания и повествования – зрелого человека, состоявшегося писателя Л. Бородина – проявляется в критическом осмыслении философской концепции Н. Бердяева: «Озабоченный этой темой Н. Бердяев тоже впадал в противоречие, утверждая, что «большевизм» должен быть изжит изнутри русским народом. Простое изживание, повторюсь, возможно только для состояния, но не явления. Это противоречие он пытался разрешить в своём курсе берлинских лекций под общим названием “Соборность во Христе и товарищество в Антихристе”. Но, как мне показалось, ещё больше запутался в доводах и обобщениях.

Нам было бы куда проще, не погружаясь в проблему, принять вторую посылку – о “состоянии” – и зачислить себя в передовой полк “изживания”, но, как уже сказал, ставкой то была жизнь, ни больше ни меньше...».³

Таким образом, творчество Н. Бердяева, явившееся в своё время толчком в развитии самосознания и творческого потенциала личности автора, на всю жизнь остаётся одной из значимых составляющих мировоззрения писателя Л. Бородина.

Заключение

Описывая советскую действительность, годы перестройки, Л. Бородин в автобиографическом повествовании «Без выбора» стремится сосредоточить свой взгляд на значимых явлениях духовной культуры, именах выдающихся деятелей, памятниках общественно-исторической мысли эпохи, без которых эпоха, их породившая, во всей глубине и объективности понятия быть не может.

Интерпретационный смысловой потенциал концептуально значимых языковых единиц в структуре предложения и текста формируется широким контекстом – не

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 502.

² Там же. С. 368.

³ Там же.

только горизонтальным, но и вертикальным. Используемые автором прецедентное имя *Н. Бердяева* и прецедентный текст *Н. Бердяева* – книга «Самопознание: опыт философской автобиографии» – вводят в мемуарный текст Л. Бородина информацию, коррелирующую с характеристиками языковой личности автора, относящимися к её аксиологическому и когнитивно-профессиональному уровням.

Посредством используемых прецедентных феноменов автор организует коммуникативное взаимодействие с читателем. Метафорическое и метонимическое употребление прецедентного имени *Н. Бердяева* актуализирует механизмы множественной интерпретации языкового

знака. Языковыми средствами включения интерпретационного механизма являются специальные маркёры: графический (употребление строчной буквы), пунктуационный (использование кавычек), словообразовательный, определительный.

Фрагментарно представленный в произведении Л. Бородина прецедентный мир *Н. Бердяева* отражает процесс духовного роста автора, его мировоззренческие искания и, прежде всего, духовную потребность в интеграции достижений русской культуры в период национально-культурного возрождения России в начале XXI в.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост. Г. К. Косиков. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
3. Козловская Н. В. Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тексту. СПб.: Своё издательство, 2018. 462 с.
4. Кристева Ю. Семиотика: Исследования по семанализу / пер. Э. А. Орловой. М.: Академический проект, 2015. 285 с.
5. Леденёва В. В. Прецедентное имя Святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н. С. Лескова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy> (дата обращения: 03.10.2022).
6. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
7. Орлова О. В., Кабанков А. И. Динамика прецедентного мира творческой личности в дискурсе новых медиа: постановка проблемы // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 182–187.
8. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
9. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текстов. М.: Наука, 1987. С. 99–132.
10. Федорченко Е. А. Когнитивные доминанты идиостиля и их жанрообразующие функции в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 56–67.
11. Walther-Jochum R. Autobiographie theorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster. Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. 356 s.

REFERENCES

1. Bart R. Selected Works: Semiotics: Poetics (Rus. ed.: Kosikov G. K., comp. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika*. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.).
2. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality.]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p.
3. Kozlovskaya N. V. *Yazyk russkoi religioznoi filosofii: ot teksta k terminu i ot termina k tekstu* [The Language of Russian Religious Philosophy: From Text to Term and from Term to Text]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018. 462 p.
4. Kristeva Yu. *Recherches pour une semanalyse* (Rus. ed.: Orlova E. A., transl. *Semiotika: Issledovaniya po semanalizu*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 285 p.).

5. Ledeneva V. V. [The Precedent Name of the Holy Prince Vladimir in the Conceptual Space of Texts by N. S. Leskov]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2015, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy> (accessed: 03.10.2022).
6. Nakhimova E. A. [On the Classification and Differentiation of Types of Precedent Phenomena in Political Communication]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2018, no. 1, pp. 41–46.
7. Orlova O. V., Kabankov A. I. [Dynamics of the Precedent World of a Creative Personality in the Discourse of New Media: Problem Statement]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 4, pp. 182–187.
8. Radbil' T. B. [Faith as the Basis of World Perception and Understanding of the World in the Russian Language Picture of the World]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguistic and Cultural Studies. Logical Analysis of Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2019, pp. 23–35.
9. Toporov V. N. [Notes on the Reconstruction of Texts]. In: *Issledovaniya po strukture tekstov* [Research on the Structure of Texts]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 99–132.
10. Fedorchenko E. A. [Cognitive Dominants of Idiostyle and Their Genre-Forming Functions in L. Borodin's Autobiographical Narrative "Without Choice"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 5, pp. 56–67.
11. Walther-Jochum R. Autobiographie theorie in der Postmoderne: Subjektivität in Texten von Johann Wolfgang von Goethe, Thomas Bernhard, Joseph Winkler, Thomas Glavinic und Paul Auster. Bielefeld, Transcript Verlag, 2016. 356 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии;

e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;

e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко Е. А. О прецедентном имени Н. Бердяева в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 67–76.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76

FOR CITATION

Fedorchenko E. A. The Precedent Name N. Berdyaev in L. Borodin's Autobiographical Narrative "Without Choice". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 1, pp. 67–76.

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76